

«МЫ ЖИВЕМ И ТВОРИМ ДЛЯ БУДУЩЕГО»

Из переписки В.Ф. Булгакова и Н.К. Рериха

Переписка В.Ф. Булгакова и Н.К. Рериха — это не прочитанная еще страница в книге культуры. Она принадлежит истории русской эмиграции и охватывает тревожное военное десятилетие, с 1936 по 1947 годы. Именно в то время, когда не только памятники человеческой деятельности, но и существование цивилизации оказалось под угрозой, из Индии возвышается голос в защиту Культуры. Культуры в самом широком значении слова, как средоточия жизни. Причем не возгласами и призывами заполнено пространство от Праги до Гималаев, а насыщенным действием, строительной работой по созданию Русского культурно-исторического музея.

Этот музей создает Булгаков, ему принадлежит идея. За помощью он обращается к нашим соотечественникам за рубежом, в том числе к Рериху. По вопросу привлечения в музей полотен художника и его сына Святослава начинается переписка. Позже она перерастает в крепкие дружеские отношения. Но главной связующей нитью, на первых порах, остается все-таки музей. Его созданию Н.К. Рерих придавал особое значение, полагая, что такое начинание является проявлением общерусского национального характера и может стать европейским форпостом возрождающегося славянства. «Русский культурно-исторический музей в Праге есть явление глубочайшего смысла. Это первый Русский музей в Европе, маяк русского искусства и науки за рубежом».

После смерти Рериха в 1947 году, Булгаков продолжил переписку с семьей. Из Ясной Поляны он писал Е.И. Рерих о дальнейшей судьбе рериховских картин. (По окончании войны пражский музей был перевезен Булгаковым в Москву). Свою переписку с Рерихами Булгаков ценил высоко. Не просто как собрание исторических документов, но как уникальное культурное наследие. Письма Н.К. Рериха он сохранил в своем личном архиве и сам подготовил их к публикации. Он полагал, что в будущем они непременно увидят свет. Частично извлечения из писем вошли в книгу Булгакова «Встречи с художниками» (1969). Публикация полных текстов еще впереди. В нашем журнале мы знакомим читателей с некоторыми из них. Переписка хранится в Российском государственном архиве литературы и искусства в Москве, Фонд Булгакова, 2226, опись 1, дела 352, 1025 и 1026.

1.

Н.К. Рерих — В.Ф. Булгакову

28 ноября 1936

Профессору В.Ф. Булгакову с искренними пожеланиями и новогодним поздравлением!

Спасибо за сердечную весточку — оценил ее по существу. Ваше сочетание с обликом Л.Толстого мне особенно дорого — ведь он горячо напутствовал в Москве мою первую картину «Гонец». Пусть моя картина «Св. Сергей Строитель» напомнит о нерушимом строительстве.

Всего светлого к празднику и к Новому году.

Н. Рерих

2.

В.Ф. Булгаков — Н.К. Рериху

Прага, 28 декабря 1936

Высокочтимый Николай Константинович,

Позвольте присовокупить к официальному письму с выражением признательности еще несколько строк. Картины Ваши, благодаря прекрасной упаковке, дошли в идеальном порядке. Само собой разумеется, что обе поставлены были тотчас под стекло. Кроме того, я поручил рамовщику (одному из лучших в Праге) с оборотной стороны заделать картины наглухо деревянными дощечками, чтобы предохранить их от всяких неблагоприятных и хотя бы случайных внешних влияний. Повешены картины в главном зале Музея, но не вместе, а отдельно или, вернее, друг против друга, ради достижения наилучшего эффекта с освещением: горы освещены теперь из окна с той же стороны, что и на картинах. Картины всем в Праге в высшей степени понравились. Третьего дня, например, долго любовался ими в нашем Музее художник М.В. Добужинский, приехавший в Прагу ненадолго из Лондона для художественного руководства постановкой оперы «Князь Игорь» в Чешском Национальном театре и посетивший Музей в сопровождении молодого художника и архитектора барона Б.Г. Клодта (происходящего из знаменитой семьи художников). Потом я показывал Мстиславу Валерьяновичу репродукции с Ваших картин, которые он с величайшим вниманием [рассматривал. Я спросил, как ему] нравятся эти картины. «Что же говорить? Рерих остается Рерихом», —

ответил Добужинский, и всем присутствующим подобный ответ показался вполне достаточным.

Продолжая говорить на ту же тему, позволю себе перейти к чисто личной части письма. Я пережил странное чувство при получении Ваших этюдов. Когда я, с помощью заведующего канцелярией университета, вскрывал ящик с картинами и впервые приподнял одну из картин, положенных лицом вместе, мне показалось, что из ящика вырвались лучи света: так заблестели сразу вершины Эвереста и Канченджунги. Это было почти физическое ощущение, которого я не забуду, тем более что я — не оккультист, а также не мистик в дурном смысле. Мне ясно, однако, относительно Ваших картин, и это я не устаю повторять другим, что они полны не только художественной прелести, но и могучей духовной силы. И по крайней мере, я лично это в них, как, разумеется, и во всем Вашем художественном творчестве, высоко ценю.

Я получил весточку, с приветом от Вас и со снимком с картины, изображающей Сергия Радонежского, и был глубоко тронут и этим милым (я бы сказал — незаслуженным) вниманием ко мне, и упоминанием о Льве Николаевиче. Я познакомился со Львом Николаевичем за 3 года до его плотской кончины и последний год его жизни — трагический год — провел в его доме под одной с ним крышей. Это был мой духовный отец и человек такой необыкновенный, такой обаятельный в личном общении, полный такого благородства, такой нежности и любви и внимания к людям, что я обожал его при жизни и не перестаю обожать теперь. Я — не слепой по отношению к нему. Мои очи совершенно зрячи. Я — во всем свободен и не раб ему. В смысле мировоззрения, с годами, я в некоторых отношениях отошел от него, но как человека я люблю его просто, чем дальше, тем больше, если только это возможно. Вы сказали, что он первый одобрил Вашего «Гонца». И я готов дать голову на отсечение, что Лев Николаевич, очень строгий и требовательный в суждениях об искусстве, человек необычайной чуткости (поскольку дело не шло о каких-либо чисто теоретических парадоксальных утверждениях), еще и в то время понял и оценил всю силу, именно не только эстетическую высоту, но и духовную силу Вашего творчества.

Вы упомянули о наших «смятенных днях». Да, переживаемый нами период истории — неясный, темный, ответственный. Злые силы, чуя, быть может, что они выявлены, что им грозит опасность, что им нужно защищаться, напрягаются и готовы обрушиться на голову человечества. Не могут в такое время оставаться бездейственными и силы добрые. И вот в этом духовном бою, для меня, Вы — огромная сила того же разбора, что

и Толстой: сила добрая, ратующая за лучшее, сознательное, разумное будущее человечества. Я говорю об этом на основании знакомства с Вашими картинами, с Вашими книгами и статьями, с Вашими общественными начинаниями, каков, например, Рериховский пакт об охране во время войны культурных ценностей — души мира, с Вашим тяготением к Востоку — словом, со всеми проявлениями Вашего вечно юного, вечно бодрого и плодотворно деятельного духа. И я не могу не любить Вас так, как я любил и люблю никогда не умиравшего для меня, но вечно живого Льва Николаевича. Вы, наверное, поймете, что это не потребность говорить комплименты, но, скорее, потребность исповедаться, открыть кому-то близкому душу в эти тяжелые, «смятенные дни», потребность в самой этой откровенности засвидетельствовать Вам глубокую признательность за все великое и доброе, что Вы сделали для мира, а, следовательно, для меня. Я счастлив, что судьба дала мне этот случай обратиться к Вам, в связи с моей работой над созданием Русского Музея за границей. Не посетуйте на меня за эти строки, высокочтимый и дорогой Николай Константинович!

Кончая письмо, от всей души поздравляю Вас с Новым Годом и желаю Вам доброго здоровья и плодотворной, светлой деятельности на благо Ваше — душевное — и всех людей!

Глубоко уважающий и душевно преданный Вам,

Валентин Булгаков

3.

Н.К. Рерих — В.Ф. Булгакову

19 января 1937

Дорогой Валентин Федорович,

Письмо Ваше от 28 декабря меня глубоко порадовало. Именно сердечностью и взаимным пониманием мы можем противостоять мировому смятению. По Вашей первой весточке с изображением Вас и Толстого я уже понял — мы идем по одному пути. Посылаю Вам мою книгу «Нерушимое» и знаю, что записной лист «По лицу Земли» и некоторые другие будут близки Вашему сердцу.

Много чего было по неведению разрушено. Застрелили Пушкина и Лермонтова, отлучили от церкви Толстого, препятствовали Ломоносову и Менделееву войти в Академию Наук. Можно написать ужасающий синодик и давних, и недавних всяких поношений и разрушений. Через сто лет

люди оплакивают смерть Пушкина, но ведь современники его вовсе не чрезмерно старались о нем. Мы говорим об охране культурных памятников — это неотложно. Но так же неотложно беречь и деятелей культуры. Ведь они являются живыми памятниками эпохи. Пора отставить всякую зависть, клевету, умаление и взглянуть на дела глазом справедливости. Больно бывает наблюдать, как деятели и работники одной пашни пытаются толкнуть друг друга. Неужели все мировые события, неужели вся история человечества ничему не научила?

Русский культурно-исторический музей — это звучит так своевременно. Музеон — дом, где дружески собираются все искусства и науки, является сейчас показателем нужд нашего времени. Кто-то говорил, что школ, университетов и музеев уже достаточно. Ведь так мог говорить лишь полный невежда. Наоборот, именно теперь ощущается неслыханная потребность в познании.

В письме к правлению Музея я спрашиваю, каким настенным пространством Вы располагаете. Думаю, что мне удастся увеличить мои присылки. Если даже не отсюда, то из некоторых других стран я мог бы направить Музею еще несколько моих картин, а также и картины моего сына [Святослава Рериха]. Потому хотелось бы знать настенное пространство, а также каталог или список уже имеющихся в Музее вещей.

Кроме книги «Нерушимое» (для Вас лично), посылаю для библиотеки Музея рижский сборник «Знамя Преподобного Сергия Радонежского» и брошюру о Пакте Охранения Культурных Ценностей. Удивляюсь, что в Праге до сих пор не существует комитета нашего Пакта. Во Франции, в Бельгии, в Латвии, в Литве, уже не говоря об Америках, они имеются. Прежде чем добиться правительственных утверждений, необходимо поднять и сплотить общественное мнение. Каждый из таких комитетов и имеет перед собою прежде всего эту задачу. Между прочим, посланник Чехословакии в Париже Осусский — друг нашего Пакта. Также Вам небезынтересно будет слышать, что наше Общество в Литве представило правительству петицию за подписями культурных деятелей о принятии Пакта. В частном разговоре было сказано, что «если очень будете настаивать, то, может быть, Пакт и будет принят». В этой формуле как бы указывается о желательности настояния. Конечно, во всех вопросах культурного значения особый вес имеет общественное мнение. Для этого не нужно широковещательных организаций, но каждый доброжелательный комитет может внести в культурное строительство свою прекрасную лепту. Что-то в этом отношении хотел сделать профессор Вергун, но я от него уже давно ничего не слышал. Конечно, не следует огорчаться какими-либо

кажущимися неудачами. Не забудем, что введение Красного Креста потребовало семнадцать лет.

Ваше поминание о «Князе Игоре» напомнило мне мои постановки этой оперы в Париже и в Лондоне. В «Нерушимом» прочтете и мой лист «Злата Прага», уже более тридцати лет питаю к ней симпатию. Если бы Вы заметили, что в чем-то еще можно помочь трудом, творчеством — скажите мне. Содружество, сотрудничество, кооперация всегда были моими основами, и потому каждое движение в этом направлении драгоценно.

В февральском номере индусского журнала «Двадцатый Век» идет моя статья «Толстой и Тагор». Знаю, что это сопоставление Вами будет оценено. Итак, еще раз спасибо на добром слове. Примите и от меня душевный привет, помня о едином пути.

Сердечно Вам преданный

Н. Рерих

4.

В.Ф. Булгаков — Н.К. Рериху

2 марта 1937

Глубокоуважаемый и дорогой Николай Константинович,

От всей души благодарю Вас за Ваше прекрасное письмо и за «Нерушимое» с милой и дорогой для меня надписью. Поверьте, что я буду читать (нет: читаю!) «Нерушимое», так же как и другой сборник Ваших тихих, мудрых бесед — «Врата в будущее», с самым глубоким и сосредоточенным внутренним вниманием, так что не растеряю ничего. Я особенно люблю читать эти книги, когда, по закрытии музея, я иногда остаюсь на ночлег в Эбраславском замке: среди этого уединения, под сводами величественного бароккового здания, в своем кабинете-келье (на самом деле — бывшей келье монастыря Цистерианского ордена), в тишине, с видом из окна на прекрасный парк, — как дорого мне тогда это духовное общение с Вами, как близки мы тогда, несмотря на разделяющие нас моря, горы и доли! Мне было близко не только «По лицу Земли», но многое-многое другое. Помню, как по поводу морализирования Льва Николаевича говорили, что он, вообще, придает преувеличенное значение слову: слово-де вовсе не так сильно действует на человека, вернее — совсем не действует, нечего, стало быть, и беспокоиться «просвещать» людей словом. Но никогда я не был с этим согласен и, как я ни плох, никогда не мог оставаться равнодушным к глубокому, верному,

мудрому, прочувствованному слову — не в смысле только теоретической оценки и согласия, но и в смысле практических последствий, в смысле непосредственного влияния слова на жизнь. И именно так обязан я за многое Вам, дорогой Николай Константинович. Пример? Да вот, мне, например, случается поддаваться ностальгии, и тогда хочется роптать, что ты вырван из прежних, родных, естественных условий и не можешь якобы сделать всего, что хотел бы. А вот у Вас, в беседе «Порадуемся» читаю: «... Так же, как теперь, случалось и раньше, что отмирали целые города и страны, а сильные духом продолжали свою славную одиссею». Никогда, в такой ясности, не приходило мне это в голову. И слова успокоили, утешили, влили бодрость в душу.

В письме Вашем также неожиданной явилась для меня мысль о некотором лицемерии (говорю не Вашими, а своими словами) всеобщего, в нынешний юбилейный год, каждения памяти Пушкина. Лицемерие в посмертном возвеличивании выдающихся людей я всегда чувствовал очень живо, но тут, в эмиграции, вслух об этом не говорят. И опять был дорог Ваш независимый, бодрый голос. Да, «не украшайте гробницы пророков, которых отцы ваши гнали, как... не сознавая этого, вы сами гоните пророков современных». На эту тему написана мною даже драма («На кресте величия» — смерть Льва Толстого), о постановке которой в Вене, на немецком языке, я веду сейчас переговоры. Кстати, о Пушкине. В Париже его чествовали в «Союзе русских дворян» по признаку дворянства (!). Но доклада об отношении высшего петербургского общества к великому поэту при его жизни на этом собрании, конечно, никто не прочел. Все это только показывает, как нужно насаждение настоящей, духовной, просвещающей человека культуры.

Препровождая Вам формальное письмо Музейной комиссии Русского свободного университета, прилагаю и список выставленных в нашем Музее художественных произведений. К счастью, удалось его закончить до отправки письма. О перспективе получения в Музее еще нескольких Ваших картин и картин Святослава Николаевича мы говорим здесь как о будущем великом событии. Место для них найдется во всяком случае. Не сердитесь на нас за идею «Рериховского зала». Всякому деятелю простиительно мечтать о наивысшем успехе в его деле. Не считите же, пожалуйста, дерзостью, что мы проговорились. Это, быть может, только дерзание. Кстати, я надеюсь в скором времени послать Вам чешскую книжечку о Збраславском замке, где помещается Музей. Текст Вы едва ли поймете, но Вас заинтересуют прекрасные иллюстрации. Таким образом Вы получите наглядное представление об обстановке, в которой нахо-

дится Музей. Бандеролью я послал Вам 4 первые номера «Справочного Листка» за этот год. Дошли ли они до Вас? Если нет, то высылка может быть повторена. Сейчас посылаю номера 5-8. Из них Вы узнаете, между прочим, о нашем договоре с Объединением Русских архитекторов в Ч.С.Р. относительно организации Архитектурного отделения.

Профессор Д.Н. Вергун однажды, при случайной встрече, уже сказал мне, что он предпринимает некоторые шаги для проведения Вашего Пакта. Он спрашивал меня, может ли он рассчитывать и на мое участие в этом деле. Разумеется, я ответил полным согласием. Но обо всем этом я напишу Вам подробнее, когда снова увижусь с Дмитрием Николаевичем и смогу переговорить и посоветоваться с ним обо всем подробно. Профессор М.М. Новиков, являющийся профессором чешского Пражского университета и хорошо известный в чешских кругах, надеется также помочь этому делу. Мне не нужно писать о том, что я разделяю все Ваши соображения о важности Пакта. Ваша параллель с Красным Крестом также совершенно верна. О Пакте мы говорили еще с покойным Ив. А. Якушевым, председателем Общества Сибиряков. Мы были в Праге соседи и приятели. Я знаю о его переписке с Вами. И тогда я больше надеялся на его инициативу. Может быть, было бы лучше проявить собственную. Но... до свидания с Д.Н. Вергуном не буду ничего предпринимать.

В Вашем письме ко мне Вы спрашиваете, не можете ли Вы «еще помочь, трудом, творчеством». Великое Вам спасибо, Вам, уже сделавшему для нас так много! Если только мы смеем еще просить, то мы просили бы: 1) не отказать в любезности прислать номер «XX-го века» с Вашей статьей «Толстой и Тагор», 2) при случае, написать о нашем Музее другим русским художникам — Вашим друзьям и добрым знакомым и побудить их прислать Музею что-либо из их произведений, 3) также при случае не отказать сообщить, нет ли у Вас хорошей, прямой связи с Фондом Карнеджи, на предмет получения оттуда материальной поддержки. Я слышал, что Фонд Карнеджи помогает только тем учреждениям, которые доказали свою жизнеспособность, сами встав на ноги. Мы являемся как раз таким учреждением: у нас есть определенный бюджет, и мы могли бы скромно существовать самостоятельно, но, например, приобретать картины и пр. мы не можем. Возможности же для развития нашего дела, при более или менее благоприятных условиях, огромные, т.е. собрать, сосредоточить в Русском Музее за ганицей можно было бы в высшей степени ценный и обильный материал. «Собрать», а это во многих случаях значит: *сохранить, спасти*. Тут такое учреждение, как Фонд Карнеджи, могло бы выполнить блестящую миссию.

Но все же простите, дорогой Николай Константинович, если я просто-напросто злоупотребляю Вашим безмерным великодушием.

Еще раз примите за все мою глубокую, сердечную признательность!
Дай Вам Бог здоровья и дальнейшего успеха и достижений в водительстве культуры!

Искренно Ваш

Валентин Булгаков

P.S. В прошлом письме я ошибся, упомянув, что художник Добужинский приезжал в Прагу для руководства постановкой «Князя Игоря». «Князь Игорь» поставлен был в Праге при участии Николая Александровича Бенуа, а М.В. Добужинский ставил — и это так естественно — «Евгения Онегина».

5.

Н.К. Рерих — В.Ф. Булгакову

17 февраля 1938

Дорогой мой Валентин Федорович,

Поистине, от Вас приходят добрые вести. Спасибо за письмо Ваше от 24 января с.г. с приложением письма от Правления университета и Музея, а также за бандероль со «справочными листами» и с Вашей интереснейшей книгой, которую мы все прочтем с углубленным вниманием. Так как Вы поминаете в своем письме слово «срочно», то и пишу Вам с сегодняшней же воздушной почтой.

Во-первых, от души поздравляю Вас с премией от Общества Новой Истории. Я знаю всех деятелей этого общества, и Зорабжи, и миссис Чандлер, а среди жюри была мисс Ф.Грант, вице-президент наших учреждений. С интересом прочту Ваши мысли о всеобщем разоружении. Наш девиз «Мир через Культуру» в конце концов говорит о том же. Полагаю, что и все мыслящие существа должны прийти к заключению, что все братоубийственные инструменты цивилизации должны быть сданы, наконец, в архив позора.

Вполне понимаем Ваше соображение о полезности открытия зала моего ранней весной. На поставленные Вами вопросы о картинах разъясню. Эскизы часовен во имя Св. Сергия Радонежского даны и для Америки, и для Гималаев, и для Дальнего Востока. Гуга Чохан (легендарный покровитель здешней древней страны Кулуты) находится перед самым нашим

домом. Для картины «Ченрази» взят пейзаж Западного Тибета. Там же находятся и скалы с древними изображениями меча Гессар-Хана. Когда я писал картину «Мать Чингиз-Хана», я вспоминал из биографии Чингиза, как однажды все друзья от него отшатнулись и мать говорила ему: «Помни, сын, что лишь тень твоя тебя сопровождает». Мысли об одиночестве, может быть, наполняли сердце одинокой наездницы. Чингиз-Хану у меня посвящена целая серия. «Тень Учителя» относится к апокрифам о Христе, когда говорилось, что при прохождении Его следы тени Его не исчезали, а запечатлевались.

Очень счастливо вышло, что воспроизведение картины «Св. Сергий» еще и не было начато. Думается, что рижское издательство разрешит Вам воспользоваться для каталога (с ссылкой на монографию) воспроизведениями «Гуга Чохана», «Ченрази» или «Матери Чингиз-Хана» по Вашему выбору. Две гималайские картины, присланные мною ранее, относятся к 1936 году.

Прилагаю список картин, которые Святослав предназначил для Музея. Ему хочется послать самый последний мой портрет, и потому сама посылка несколько отложится, но в каталоге уже могут быть картины его перечислены. Вместе с перечнем картин прилагаю и его биографические сведения. Мои у Вас, конечно, имеются; пришлите до печатания предполагаемый текст, ибо имеются добавления, а кое-что и устарело.

Вы пишете, что не следует обращать внимание на лай Васьки Иванова и прочих мракобесов. Действительно, обращать внимание не следует, но когда знаешь эти позорные пределы иуд-мракобесов, продающих за тридцать сребреников все самое святое, то стыдно становится за такие подонки человечества. Недаром в древности такие сущности назывались двуногими и почетное слово человек к ним не применялось. Мог бы поведать вам отвратительные иудовы проделки, но пусть это останется пока в недрах ненапечатанных анналов.

Возвращаясь к каталогу, задуманному Юпатовым, хотелось бы, чтобы на нем не лежал отпечаток эмигрантства. Пусть будет эта памятка посвящена русскому искусству как таковому. То обстоятельство, что русское искусство засияло по всему миру, следует представить широко, подчеркнув значение русского искусства как такового. Это будет тем вернее, что многие из нас проявлялись за границею уже с самого начала творчества. Вы помните, что моя первая заграничная выставка была в Праге в 1904 году, а в 1906 году уже были Париж, Милан, Венеция, Вена и прочие центры. Вероятно, скоро пришлю Вам оттиск моего Записного листа «Чаша Неотпитая».

Как историк я люблю все периоды культуры, где бы она ни возникла, но как русскому человеку мне особенно близок великий народ русский, которому суждено и великое будущее. Знаю это так же достоверно, как самую ближайшую реальность. Меня называют оптимистом. Но тот, кто в творчестве, тот непременно должен быть оптимистом, ибо мы живем и творим для будущего. Для этого будущего будем мы всячески оборонять нашу Родину, если и не мечами железными, то мечами духа. Ради этой обороны мы должны быть готовы на такие проявления, которые называются славным русским словом подвиг.

Спасибо Вам за Ваше желание помочь распространению наших рижских изданий. Вообще, держите контакт с нашими милыми латвийскими друзьями. Они самоотверженно служат знанию, и красоте, и Знамени Мира. Они так трогательно писали о Вас, и я рад видеть и с Вашей стороны ту же сердечность. Шлем Вам светлые мысли и рады вестям Вашим. Привет друзьям — и русским, и чешским.

Духом с Вами,

Н. Рерих

6.

Н.К. Рерих — В.Ф. Булгакову

31 мая 1938

Дорогой мой Валентин Федорович,

Спасибо за Ваше письмо от 7 мая. Каждая страница его полна самых ценных для нас вестей. Глубоко порадовало нас Ваше сведение, что Вы сибиряк и притом большой патриот своего отечества. Вы ездили по горам Алтайским, и мы на таких же лошадках там бывали. Мы большие энтузиасты Сибири, а Алтай является не только жемчужиной Сибири, но и жемчужиной Азии. Великое будущее предназначено этому замечательному средоточию. Долина между Уймоном и Котандою будет местом большого центра. В Париже, когда Вы посещали наш Центр, Вы, наверное, видели мой этюд «Белуха». Там было три этюда прекраснейших высот Азийских: Канченджунга, Белуха и Эльбрус. Итак, когда мы знаем, что Вы — алтаец, Вы нам еще и еще ближе.

Шлем ко дню открытия зала наши сердечные приветы как русским, так и чешским друзьям. Как жаль, что Шальда уже не с нами, но, наверное, имеются и другие чешские ценители. Напомните им мою статью «Злата Прага». Уже давно мы знали, что в Праге творится русское дело, а теперь

мы еще знаем, что музей и университет являются очагами этого дела. Оборона Родины для всех нас близка, и я очень рад, что Вы оценили мою статью «Чаша Неотпитая», а вот пьяный Борис Суворин разразился ругательствами именно за то, что я сердечно сказал о Родине и народе русском. Боже мой, сколько живет на свете предателей, должно быть, где-то чеканятся специальные тридцать сребреников. Но не будем обращать внимание на всяких гадов. Через все пропасти, через все потоки пронесем любовь и служение нашей Родине. Очень рад слышать, что президент Бенеш тепло отнесся к Музею. Ведь Музей является общерусским делом, и в этом широком понимании и служении будет истинно созидательное начало. А с Вами еще встретимся и, Бог даст, поработаем.

Отлично понимаю, что задача комиссии по собиранию русской старины не легка. Но очень важно, что такое начало положено. Не будем думать, что по щучьему велению могут сразу образовываться многочисленные собрания. Важно заложить зерно, а каждое растение произрастает в свое время. Много вандализма на земле, в разных краях ее. Мог бы порассказать Вам в этом смысле очень многое. Может быть, как-нибудь выберу часок и запишу эти соображения в дневнике, а Вы как биограф мой будете знать и такую современность.

Очень хорошо, что и «Мать Чингиз-Хана» будет воспроизведена. Вы правильно отметили смысл этой картины. Что касается до чешской статьи для монографии, то вполне предоставляю это решение нашим рижским друзьям. Когда будете сноситься с ними, то, пожалуйста, помяните, что в существе такая статья могла бы быть сделана в Праге, но упомяните при этом и все затруднения орфографические. Рад слышать, что новая орфография в книге Иванова Вас не смущает. Я так и думал, но все же иногда еще встречаются люди, которым этот вопрос кажется краеугольным. Я очень порадовался, увидав новую орфографию и в письмах Н.О. Лосского. Когда увидите его, пожалуйста, передайте им всем наши душевные приветы.

Жаль, если книга Лосского еще не вышла. И Лосский, и Метальников творят великое дело, и труды их останутся во славу русскую. Недавно мой давний друг А.В. Руманов в письме своем прекрасно помянул Ваше имя. Каждое такое поминание о друзьях особенно ценно. Только добром пройдем, только улыбкою преуспеем. Помню, когда на одной лекции на Дальнем Востоке я тепло помянул Горького, то раздалось человеконенавистническое рычание, а разве Горький не русский, а разве русский народ не остается таковым? Будем работать во благо, и Ваши письма для нас являются истинно светлыми вестями.

Спасибо и за Ваше фото. Привет Вашей семье и всем друзьям, русским и чешским.

Духом с Вами,

Н. Рерих

7.

В.Ф. Булгаков — Н.К. Рериху

17 июня 1938

Дорогой Николай Константинович,

Спешу сообщить Вам, что торжество открытия Вашего зала в Русском культурно-историческом музее состоялось вчера и протекло в высшей степени удачно — в настроении высокого общего восхищения не только творениями Вашими, выставленными в Музее, но и всем делом Вашей жизни, и общего сердечного уважения к Вам. Несмотря на довольно хмурую и временами дождливую погоду в этот день, значительно сократившую наплыв публики в музей, на торжестве собралось все же до 150 человек — главным образом, представителей русского и чешского ученого и художественного мира. Прилагаю «лист присутствовавших», обращенный нами в сердечный привет Вам как главному виновнику торжества: его подписало до 130 людей (по недоразумению, как я заметил, три-четыре подписи на двух листах повторяются: подписавшиеся дважды, кажется, подумали, что один лист останется в музее, а другой будет послан Вам), но на самом деле посетителей было больше. Ряд лиц прошел в замок не главным подъездом, где были выставлены листы, а боковым.

Собрались все в роскошном «барокко-рококо» зале, бывшем рефектории придворного монастыря, помещавшегося когда-то в замке. Собрание открыто было ректором Русского свободного университета профессором М.М. Новиковым, после чего я выступил с докладом, посвященным Вашей жизни и творчеству. Я сообщил все внешние даты Вашей жизни и победного восхождения Вашего как художника, восхождения, не закончившегося и донине, характеризовал российский и заграничный периоды Вашего творчества, указал на универсальность Вашей природы, уподобив Вас в этом отношении Леонардо да Винчи, отметил Ваше тяготение и любовь к Востоку, к Азии, помянул о том, что первая выставка Ваша за границей состоялась в Праге и что Вы тепло относитесь к «Золотой Праге» и Чехословакии, говорил о научных институтах и обществах, осно-

ванных Вами в Америке, о Ваших азиатских экспедициях, о Вашей деятельности в качестве писателя — поэта, философа и публициста, об инициативе Вашей в деле учреждения Пакта по охране культурных ценностей и «Знамени Мира», о всей роли Вашей как великого водителя культуры и, наконец, о любви Вашей к России. Аплодисментами было принято заключение мое о том, что, конечно, все собравшиеся единодушно присоединятся к моему предложению о посылке Вам, к подножию Гималаев, сердечного, благодарного привета. Особо поминал я в речи и о получении Музеем трех прекрасных работ Святослава Николаевича и подробно рассказал о том, как отправлялись они с гор и какой далекий путь прошли, пока достигли просторных и светлых залов нашего замка.

После этого ректор университета огласил приветственные письма: по-русски — от Рериховской Ассоциации из Латвии и по-французски — от таковой же Ассоциации из Франции. А затем хозяин замка пригласил всех присутствовавших в соседний зал — на гостеприимную, обильную и великолепно сервированную «чашку чая». Что касается осмотра Вашего зала и, вообще, всей совершенно обновленной к 16-му июня экспозиции Музея, то он продолжался в течение нескольких часов до речей и чая, во время чая и после него: мы нарочно решили — не сталкивать при этом всю публику вместе, чтобы дать всем возможность действительно внимательно, тщательно и не толпясь, ознакомиться с выставленными Вашими картинами. И мы убедились, что такой распорядок вполне оправдал себя: решительно все успели, без помехи, прекрасно ознакомиться с Вашим залом. Целыми группами, подолгу стояли люди перед Вашими чудными творениями и потом делились с нами и друг с другом полученными впечатлениями. Впечатления эти у всех необыкновенно сильны. Все в восторге от Ваших картин — композиции, тем, красок, полной необычности творчества в целом. Высказывались и такие голоса, что Ваш зал «убивает» весь Музей в целом, ибо настолько мощно и ни с чем не сравнимо Ваше творчество. Я с большим удовольствием слушал эти рассуждения, радуясь, что Вы «дошли» до всех, и в то же время отлично сознавая, что и Ваш зал это тоже часть нашего Музея и что открытие его мы можем праздновать как большое торжество Музея.

Должен сказать, что и картины Святослава Николаевича тоже всем нравились. В портрете Вашем, его работы, поражала внутренняя значительность и привлекали краски; оригинальное и гармоничное сочетание токов (коричнево-золотая завеса, синие горы, тона одежды). «Пастух Кулуты» и «Закат» также оценивались всеми с большой симпатией и признанием их отличных живописных достоинств.

Публика долго-долго не расходилась из Музея. «Рериховский зал» глубоко внедрен теперь в сердца тех, кто его видел, а через них, конечно, слава его очень быстро распространится и по всей Праге. Кстати, печать, как русская, так и чешская, хорошо была представлена на торжестве, и потом я постараюсь собрать и послать Вам отзывы о нем.

Я посылаю вам в этом письме «лист присутствовавших» с сердечным Вам приветом, пояснения к большинству подписей на этом листе, так как иначе Вы бы не могли получить настоящего представления о составе присутствовавших, фотографию части Вашего Зала (технически оказалось невозможно захватить его объективом целиком), фотографии двух ораторов и части публики, находившейся влево от ораторского столика, еще три фотографии разных залов Музея (по несчастью, фотограф захватил мало пластинок, и не были засняты историческое отделение, архитектурное отделение, библиотека музея и др. помещения), чешское и русское приглашения на торжество, один номер «Справочного Листка», образец репродукции «Матери Чингиз-Хана», а отдельно, заказной бандеролью, посылаю вновь вышедший краткий иллюстрированный каталог художественных собраний Музея. В каталоге не очень хорошо репродуцирован Ваш «Гуга Чохан»; формат картины и формат издания не оказались в соответствующем соответствии, хотя фотография сама по себе была очень хороша. Каталог напечатан по новой орфографии, т.к. мы надеемся несколько экземпляров забросить в Советскую Россию, что было бы очень важно.

Прошу также не отказать в любезности передать прилагаемое письмо Святославу Николаевичу. Хотел я еще приложить отчет о торжестве для прессы, но думаю, что, может быть, кто-либо из членов Вашей семьи будет добр, с этой целью, слегка подправить и использовать текст этого письма, добавив к нему те или иные данные из пояснений к списку присутствовавших. Вы, к тому же, лучше знаете требования английской печати, чем я, а мне, вероятно, в заметке для газет пришлось бы просто повторяться. Надеюсь, что не очень грешу, не приложив такой отдельной заметки.

Сегодня я целый день чувствую себя счастливым, как-то особо удовлетворенным. Торжество прошло прекрасно, от десятков людей я слышал восторженные отзывы об этом, и я рад, что удалось так хорошо провести все это дело, что Музей снова укрепился, что Вас будут знать в Праге и что мы подняли — и Вашим залом, и Музеем — значение русской культуры за рубежом. К тому же, Ваше творчество настолько возвышенно, чисто и духовно, что влияние его на самые широкие круги общества не может не быть самым благотворным, не говоря уже о значении его, как великого образца, для чешских и русских художников. Конечно, это — не

образец для повторения. Ваше творчество — неповторимо, но, как некий идеал, оно будет все же поучать и воспитывать художественную мысль. Морально же влияние его приходится учитывать, особенно перед лицом того нынешнего «смятения умов», о котором и Вы пишете. «Красота спасет мир» — невольно вспоминаются эти слова Достоевского...

Одна деталь. У нас особенно поражала — красотой и своеобразием техники — картина Ваша «Ашрам» (высокие темно-зеленые бамбуки и золотое озеро в просвете направо). Но надо сказать, что хорошо ее стало видно только после того, как я, лишь на один день, позволил себе отстранить стекло. Стекло отблескивало и мешало проследить рисунок и все оттенки краски на этой столь глубокого и благородного тона, чудеснейшей, волшебной картине.

Теперь о другом. Напишите, пожалуйста, Николай Константинович, как Вам понравился наш каталог. Для подготовляющегося большого каталога, объявление о котором помещено в малом, мне нужно было бы знать, в каком году написаны Вами этюды «Эверест» и «Канченджунга», которые мы получили непосредственно от Вас из Индии. Буду Вам очень благодарен за это указание.

Анкета наша послана была Вам неправильно, заполнять ее не нужно. Сделал это, без моего ведома, сотрудник мой по составлению «Словаря русских зарубежных писателей» К.А. Чхеидзе. Конечно, достаточные сведения о Вас мы находим в имеющейся у нас литературе.

Я получил Ваши письма от 7 и 31 мая и, как всегда, с глубоким интересом и радостью их читал. Наша заочная дружба наполняет меня чувством радости и гордости. Все решительно Ваши мысли о своевременном политическом положении и моральном состоянии мира, а также о средствах борьбы с пороками и язвами цивилизации мне совершенно близки и родственны. Да, и у нас здесь есть люди, которые в появлении «пятен на солнце» ищут оправдания зародившемуся в мире и все ширящемуся безумию, но Вы глубоко правы: в пятнах на собственной совести надо искать человечеству объяснения того, что делается. У нас здесь, в Чехословакии, сейчас настроение довольно тяжелое, ввиду немецких домогательств. Правда, что во главе республики стоят исключительно талантливые и способные вожди — Бенеш и Годжа, и я все продолжаю верить, что удастся исчерпать конфликт мирным путем. Другое, катастрофическое «решение» вопроса было бы чревато несчастьем для обеих сторон и в особенности несправедливо по отношению к Чехословакии, где мирная трудовая жизнь давно и прекрасно налажена, где несомненно существует мирный социальный стовор и где не только гражданские, но и человеческие

права каждого обеспечены и законом, и обычаями страны. За 15 лет, проведенных здесь, я привык с глубоким уважением относиться к характеру и свойствам чешского народа и ныне не могу иначе, как с глубоким сочувствием, относиться к переживаемому им тяжелому положению.

Когда я думаю о нашем Музее и о могущей грозить ему, в случае войны, опасности, то я до некоторой степени утешаюсь тем, что Збраславский замок находится в стороне, вне городской черты, вблизи его нет никаких фабрик и промышленных предприятий, и думается, что положение его безопаснее, чем положение пражских музеев, находящихся в центре города. Но, повторяю, верю, что до войны не дойдет.

В связи с даром президента Бенеша Музею, у меня и у профессора Новикова состоялись весьма дружеские встречи с главными деятелями канцелярии президента: канцлером доктором Шамалом и директором департамента доктором Ржигой. В связи с этим я пришел к мысли, что, быть может, лучший способ продвинуть в Чехословакии вопрос о Рериховском Пакте заключался бы именно в том, чтобы через этих ближайших сотрудников главы государства довести до его сведения об идее Пакта и об отношении к ней в Америке. Я готов произвести эту попытку, но не могу не видеть, и думаю, что Вы согласитесь с этим, что пока не минует острота политического положения (а она еще не миновала), не следует и не целесообразно занимать внимание правительственных кругов нашим проектом. И, напротив, как только эта острота смягчится, можно будет обратиться к указанным мною выдающимся чехословацким деятелям с просьбой присоветовать дальнейшие шаги для успешного проведения дела. На этом позвольте пока и закончить.

Еще раз, от всей души, приветствую Вас, дорогой Николай Константинович, шлю Вам и всем Вашим близким свои лучшие пожелания и благодарю Вас за все, что Вы сделали для Музея!

Духом с Вами,

Ваш Валентин Булгаков

8.

Н.К. Рерих — В.Ф. Булгакову

4 декабря 1939

Дорогой Валентин Федорович,

Только что я писал нашим друзьям о том, что вряд ли можно ожидать Вашего письма — Вы так заняты, а тут-то и прилетела Ваша весточ-

ка. Может быть, кто-то укорит меня в излишней сентиментальности, но нас всех глубоко тронуло, что Вы бесменно стоите на дозоре искусства и культуры. Хочется сказать Вам к этому самый горячий привет. Рады слышать, что и переустройство Музея послужило к его пользе. Ближайшее соседство государственного музея тоже хорошо и даже привлечет новых посетителей. Родовались мы, что Лосский неумоимо продолжает читать лекции в университете, а ведь года его немалые. При свидании передайте им всем наши приветы. Хорошо, что Вам удастся продвигать и монографию. Так обидно, что из-за внешних обстоятельств издание претерпевает затруднения. Жизнь еще раз показывает, насколько нужна культурная работа. Вы справедливо негодуете на безобразные действия Бенуа. По этому поводу я получил немало писем. В данном случае он не касается ни Музея, ни наших обществ, но ненавидит наш Пакт об охране памятников культуры и все мои призывы к культурному строительству, называя их мессианством! Попросту говоря, он производит подлую подрывную кротовую работу, которая тем отвратительнее, что у меня лежат сладенькие письма его. Думалось мне, что в «Мире искусства» должен сохраняться хотя бы некоторый корпоративный дух, но отношения Бенуа доказывают, что этого нет. А ну его к шуту! Покойная Мария Клавдиевна Тенишева всегда называла его Тартюфом, очевидно, она знала его природу. Меня несколько не трогает оценка Бенуа и ему подобных. На наших глазах и Толстого, и Третьякова, и Менделеева, и Куинджи всячески поносили, но все это, как Вы правильно замечаете, лишь пыль, несущаяся за устремленным всадником. Каждый должен не только творить в своей области, но и быть на дозоре о культуре.

Ваш портрет с Толстым я видел в хайдерабадском журнале «Мира», но сейчас по условиям почты не могу высылать печатного. Эта Ваша карточка с Толстым всем нам очень нравится, и Толстой, и Вы так характерно запечатлены в труде. Мы все трудимся, и даже сейчас протекает ряд удачных выставок.

Великое счастье — в такое сложное время все же можно глубоко уйти в работу. Вы пишете, что посетители музея помнят мою первую выставку. Об этой выставке я храню самые светлые воспоминания. Во время ее обнаружили совершенно невидимые, но трогательные друзья. Пожалуй, мало кто из них дожил до наших дней. Но пришли, конечно, новые, молодые. А с молодыми почему-то у меня всегда были особенно добрые отношения. Вы будете рады узнать, что наши сотрудники, несмотря на трудное время, приступили к изданию литературно-художественного сборника. Одно кончается, а другое начинается, как в добром лесу поднимается

новая и здоровая поросль. Напишите о своих трудах. Наверное, многое пишете и, как всегда, затрагиваете прекрасные темы. У Елены Ивановны Ваша книга «Духовный Путь Толстого» всегда на рабочем столе. Отличная, сердечная и справедливая книга. Среди многих умалительных, пристрастных характеристик великого писателя, в которых участвовали, к сожалению, даже его семейные, Ваши слова о нем звучат, как голос светлой, утверждающей правды. Мелкие умы не видят истинную сущность жизни. Человек всегда судит лишь от себя, ради себя и для себя. Те же житейские мудрецы любят говорить: так было, так есть и так будет. Скажем: к сожалению, было, к ужасу еще есть, но пусть не будет. Иначе как же быть с эволюцией? Мы все живем в будущем и в этом находим единственный смысл бытия, и тем сильнее радость труду. Ведь ничто не может воспрепятствовать этой радости. Перед зарею ночь особенно темна.

Жаль, что почтовые сношения затруднены. Друзья тянутся друг к другу, имеют сказать сердечные слова, хотят помочь и поддержать, но это становится почти невозможно. Тем дороже, когда слышишь, что культурная работа продолжается и даже дает новые ветви. О Культуре мы говорили изначала и будем утверждать это же и до скончания. Без Культуры человечество обратится в двуногих.

Когда найдете время, пишите и знайте, что Ваши весточки читаются нами с великой радостью. Привет Вашей семье и друзьям.

Сердечно с Вами,

Н. Рерих

9.

В.Ф. Булгаков — Н.К. Рериху

Прага, 9 июня 1941

Дорогой Николай Константинович,

Не думайте, что я забыл о Вас. Часто, очень часто вспоминаю я о Вас и жалею, что общение между нами, волей-неволей, должно было прекратиться. А если бы я и забыл о Вас на короткий срок, то чудные картины Ваши, которые постоянно передо мною на стенах Русского Музея, снова напомнили бы мне о Вас. Впрочем, ни расстояние, ни время, ни чрезвычайные события уже не в силах уничтожить ту внутреннюю связь взаимного уважения и дружбы, которая, как я верю, образовалась между нами. Почему-то кажется мне, что даже взаимное желание наше однажды встретиться и, может быть, даже поработать вместе, рано или

поздно осуществится. Пока же хочется послать Вам горячий, сердечный братский привет и просить передать мои чувства уважения и искреннего привета также высокочтимой Елене Ивановне и Святославу Николаевичу, а также хоть вкратце сообщить о том, что нам обоим интересно. Наш Музей находится по-прежнему в Збраславском замке и работает и развивается на прежних основаниях. Число постоянных посетителей в нем сильно увеличилось — отчасти благодаря соседству здешней Национальной галереи, о котором я Вам писал. Каждое воскресенье бывает в Музее от 150 до 300 человек посетителей. Духовный смысл и красота Ваших картин вошли уже глубоко и как нечто непреложное в сознание здешней публики. Есть лица, которые приходят в Музей снова и снова, а также приводят своих друзей и знакомых, чтобы полюбоваться Вашими картинами и показать их другим. И снова находятся люди, помнящие первую Вашу выставку в Европе. Словом, Вы стали здесь близки и дороги, Вас понимают, к Вам стремятся, — как это, без сомнения, происходит везде там, где Вы прошли: «тень Учителя» — следы его влияния — не исчезает. И я рад об этом снова и снова перед Вами свидетельствовать.

Сам я живу скромно со своей семьей. Старшая дочь моя Таня только что кончила русскую гимназию — «с отличием». Младшая дочка Олечка, о которой я Вам никогда ничего не писал, счастливая, светлая душенька, с которой нас соединяют особо глубокие и светлые внутренние отношения, солнышко моей жизни, — перешла в третий класс гимназии... потанцовывая изредка публично (она, как мне кажется, очень одарена к танцу, хотя, к сожалению, ему систематически не учится) и выступая в концертах с очень хорошим гимназическим хором. Жена моя работает в Психотехническом Институте (определяющем способности детей перед поступлением в школу) и дает уроки русского и французского языков. Работает она, к сожалению, больше, чем может, и очень устает. Живем мы очень скромно...

Часто я думаю о Родине. Как хотел бы там быть! Освобождаюсь от тоски о Родине разве только в природе. А здесь — чудная природа: леса, горы, река... почти как было в моем родном Кузнецке, в Томской губернии, в предгорьях Алтая. И на одной только горной вершине под Збраславом, откуда открывается широкий вид на бесконечную, холмистую и покрытую лесом равнину, среди запахов лесных трав и цветов, под жгучим солнцем, забываю я иногда совсем, что я не дома... И, однако же, немножко — «дома», потому что — на родине Олечки...

За последний год я написал две драмы: «Рюрикович» и сцены из древнекитайской жизни «Цветок Небес». Первую драму читал —

В.Ф. Булгаков и дочери Татьяна и Ольга. 1931

с успехом, кажется, — публично. Вторую — на литературном ужине у петербургской пожилой дамы, писательницы Софии Ивановны Таубе (Аничковой).

Работаю над книгой воспоминаний «Пережитое и передуманное», которую сначала я задумал как *исповедь*, а потом несколько изменил ее характер. Привожу в порядок свой собственный архив и архив нашего Музея.

Не знаю, почему мне захотелось сообщить Вам эти личные вещи. Может быть, потому что я знаю, что общение наше не может быть частым, и говорить хотелось только о том, чем действительно живу...

Я недавно перечитал Ваши письма ко мне. Это тоже заменяло до некоторой степени отсутствие новых вестей от Вас. Читая, глубоко чувствовал: как важно для меня было и сколько радостного и поучительного мне дали наши, пусть только заочные, отношения, и за них мне хочется от души Вас благодарить — и снова благодарить!

Приветствую Вас и весь Ваш дом снова и снова, надеюсь, что Вы бодры, здоровы и деятельны — и шлю Вам свои самые лучшие, сердечные пожелания.

Ваш — глубоко и душевно —

Валентин Булгаков

10.

В.Ф. Булгаков — Н.К. Рериху

Прага, 10 июня 1946

Дорогой друг Николай Константинович,

Вы не можете себе представить, как я по Вас соскучился за то время, что переписка между нами прекратилась. Уже во время войны я пытался писать Вам через Латвию, но не знаю, доходили ли до Вас мои письма. А затем, как Вы отчасти уже знаете из доклада о Музее, посланного мною Вам через В.Л. Дудко, мне довелось пережить неоднократное тюремное заключение и немецкий лагерь. В Прагу я вернулся из Германии только 22 июня прошлого года, и этот последний год был годом устройства, лечения и всяких хлопот. Сейчас, наконец, мне хочется, во что бы то ни стало, побеседовать с Вами.

Итак, вкратце, вот что со мной было и есть. Сначала немцы арестовали меня в первый день русско-немецкой войны, 22 июня 1941 г. Продержали в Пражской тюрьме гестапо, в ужасных условиях, до 15 сентября того же года и вдруг выпустили (кажется, за меня хлопотали пражские ученые), взяв, однако, обязательство, что я откажусь от должности директора Музея и выйду из всех научных и литературных объединений, в которых я состоял членом. Долго я еще нелегально работал в Музее, пока обязанности хранителя исполнял архитектор профессор В.А. Брандт (позже тоже арестованный и умерший в немецкой тюрьме). Но затем русские фашистские круги провели в заведывающие Музеем художника Зарецкого, члена русской национал-социалистической партии, и я окончательно отошел от дела, а Зарецкий начал «преобразовывать» Музей, выкидывая оттуда «еврейский» элемент и наполняя Музей элементом контрреволюционным. Будучи художником, допустил при этом ряд вопиющих безвкусиц и ошибок. Например, Ваши картины повесил в темном коридоре, рядом с фотографиями из эмигрантской жизни, под тем предлогом, что «Зал Рериха» у него забрал сын хозяина замка под склад мебели; это было верно, но картины Ваши все же можно было поместить совершенно иначе.

23 марта 1943 г. арестовали мою 22-летнюю дочь Таню, по обвинению в том, что она состояла в одном чешском антифашистском кружке молодежи. В гестапо ее пытали (били головой об стену, не давали дышать, опуская лицо в таз с водой, и т.д.), требуя выдачи товарищей. Не выдала никого. 27 марта арестовали и меня, как лицо, ответственное (!) за поведение дочери. На меня были доносы из среды русской эмиграции как на

противника Гитлера и фашизма. Припомнили также, что в 1926 г. мною был подписан манифест «Международного Движения к христианскому коммунизму» и что я состоял почетным председателем чехословацкой секции этого движения. Обоих нас 19 мая того же года отправили, в арестантском вагоне, в Германию, в лагерь для интернированных советских граждан в старинной крепости Вюльцбург у Вейсенбурга, в Баварии (на поддороге из Нюрнберга в Мюнхен). По дороге, когда вели на ночлеги с вокзалов в тюрьмы, надевали на меня железные наручники, соединяя цепью с соседями по шеренге. Таню в Вюльцбурге не приняли: это был лагерь только для мужчин. Между тем, в Праге гестапо уверяло меня, что я буду жить в лагере вместе с дочерью, — мрачная ирония тюремщиков и палачей! Итак, дочь мою вернули сначала на три месяца в Нюрнбергскую тюрьму, а потом перевели в концентрационный лагерь Равенсбрюк, на север Германии, где она и жила до конца войны в кошмарных условиях: 12-часовой рабочий день, голод, битье, травля собаками и т.д. Режим в Вюльцбурге, хотя это и было незаконно, тоже был режимом концентрационных лагерей, с небольшими послаблениями. Меня, вместе с капитанами советских пароходов торгового флота и небольшой группой старших по возрасту интеллигентов, не заставляли или почти не заставляли работать, и я, хоть голодал, ухитрялся даже писать в лагере на обрывках бумаги, приносившихся рабочими из города. Например, написал книгу «Друзья Л.Н. Толстого» (45 портретов) — исключительно по памяти. Сношений с родными сначала совсем не было. Потом нам разрешили раз в месяц писать и получать короткое письмо, а также получать небольшие продовольственные посылки. Моя жена воспользовалась этим разрешением и подкармливала немного нас с дочерью, хотя ее самое гестапо лишило в Праге службы, отдало под надзор полиции, и она могла зарабатывать только преподавая тайно русский язык чехам (преподавание такое тоже было запрещено). Так мы выжили.

Трудно было вырваться из лагерей: мы отступали вместе с германской армией и легко могли погибнуть в пути, как многие около нас. Но Высшей Воле, видно, зачем-то нужно, чтобы мы еще жили. И я, и дочь, после всевозможных приключений, о которых можно было бы написать книги, вернулись в Прагу. Ее освободила Красная Армия, меня — американцы.

Как я Вам писал, в Музее я нашел полный разгром и опустошение. Из-за замка в Збраславе воевали немцы и русские. Немецкие солдаты 30 дней жили во всех помещениях нашего Музея. Многие исчезли или были испорчены. Ваши картины, к счастью для русского искусства, сохра-

нились, равно как и картины Святослава Николаевича. Те, кто без меня назначил Зарецкого, долго воздерживались от его отставки и от приглашения меня на старое место. Говорю об оставшихся двух-трех заправилах фирмы Русского свободного университета — фирмы, ибо сам Р.С.У. не существует. Я, по гордости, не напрашивался. Только в сентябре 1945 г. обратились ко мне. До этих пор все в Музее лежало под толстым слоем пыли и в полном хаосе. Зарецкий абсолютно туда не ездил — кажется, из трусости. Восстановление музея опять легло на меня. Поскольку сейчас новые условия в Чехословакии, да и во всей Европе, пришлось по-новому подойти к этому делу. Все материалы по истории эмиграции — портреты, фотографии, рукописи — переданы были мною особой комиссией Академии наук СССР, приехавшей в Прагу и в наш Музей. Они поступили в распоряжение Академии под названием «Архив Булгакова», присвоенным этому собранию, без всякого моего ведения, академиками. Картины же и отделение русской старины перенесены были в Прагу, в прекрасное помещение из 8 комнат с галереей в здании Советской средней школы, бывшей Русской гимназии. Здание это, в 6 этажей, собственное и принадлежит Русскому государству. Все это было сделано в согласии с посольством СССР в Праге, где я встретил прекрасное отношение к себе. Музей будет пополняться и затем открыт будет для публики. Ваши картины, конечно, по-прежнему считаются Вашей собственностью.

К сожалению, у меня теперь очень мало свободного времени. Я заделался в чиновники чехословацкого министерства информации. С рядом сотрудников я издаю особый бюллетень «Из советской печати» на чешском языке. При этом всю первую, лучшую половину дня занят. Есть и другие обязанности — например, перевод лекций чешских ученых о Чехословакии в Советском посольстве, чтения о Чехии в Советской школе и пр. Просто сил не хватает, и я должен буду искать себе энергичных помощников, если не заместителей, в нашем Музее. Стоят передо мною и некоторые литературные задачи, служить которым я могу, в сущности, только по праздникам, так что отдыха у меня мало.

Впрочем, я не жалею. Я получил от судьбы слишком много: я и дочь опять дома. Родная страна защитилась против немцев, хотя и со страшными жертвами. По пути из лагеря домой и в Праге я познакомился с массой советских людей, в частности, офицеров, молодых и постарше. Есть среди них чудные люди. За новую Россию можно быть спокойными. И вожди у нее опытные, серьезные. В болото народ не заведут. И в обиду его не дадут. Я сохраняю, в основном, прежнее, т.е. религиозное, мировоззрение, но при этом научился понимать и политическую сторону

событий, чего раньше не умел. И как политик я стал большим патриотом, патриотом новой, Советской России. Имел несколько писем от родных из СССР, и все хорошие письма. Велик, а главное, силен и свеж бесконечно наш народ. Перспективы перед ним прекрасные, а многое достигнуто уже теперь. Самое главное, что правительство работает для масс, с массами и во имя масс. Раньше ничего подобного не было, чем объяснялся и пресловутый отрыв интеллигенции от народа.

Очень мне хочется услышать Ваш дорогой, спокойный и мудрый голос, и я надеюсь, что Вы не откажете мне в ответной весточке. От глубины души и от всего сердца приветствую Вас, высокочтимую Елену Ивановну и Святослава Николаевича. Да хранят вас Боги Индии!

Ваш Сердцем и душой,

Валентин Булгаков

11.

Н.К. Рерих — В.Ф. Булгакову

24 июня 1946

Дорогой мой друг, Валентин Федорович!

Прилетела Ваша добрая весточка от 10 июня — скоро долетела, ведь мы привыкли к длиннейшим срокам. Да, исстрадались Вы и Ваша дочь. Елена Ивановна слезу пролила, читая о пытках. Не люди, а звери — хуже зверей. И сколько этого фашистского сора еще ползает. Сколько скудоумцев и злоумцев не понимают, какую мировую героическую жертву принес Великий Народ Русский. Народ-победитель. Радуюсь Вашей светлой оценке Советского строительства, ибо мы живем тем же сознанием. Великое несломимое будущее дано Народу-Труженику и Строителю. «Когда стройка идет — всё идет».

Думается, приедете Вы в Ясную Поляну, в гнездо Великой Мысли. Сколько ценного можете Вы натворить и широко послать по всей целине необъятной. Вот Грабарь пишет о глубоком внимании правителей к Академии наук, к ученым, к учителям. Только что получили от него письмо с этими ценнейшими сведениями. Из ТАСС'а получаем газеты и следим за новыми достижениями. Немало удалось здесь поработать во Славу Русскую за эти годы, и такие посевы нужны безмерно. Народы во множестве своем верят Советскому строительству, и молодежь ждет ободрения и светлого напутствия. Не отрывы, но душевное единение спешно ждётся, и каждое ласковое ободрение — как посох верный.

Только теперь налаживаются почтовые сношения, а то годовые и полугодовые сроки и пропажа писем были отвратительны. Впрочем, и теперь многое исчезает. Ваши письма мы не получили. Понемногу выявляются друзья в разных странах. Многие уже в лучшем мире, много весточек от незнакомых, но из Риги — ни звука! Это тем более странно, что Кирхенштейн был хорош с некоторыми нашими друзьями. Из Франции совсем скудные вести, из Югославии — ничего. В Бельгии все сохранилось и даже добро развивается. Где молчание, там и мы не трогаем — мало ли какие могут быть местные условия.

Хорошо, что Вы встретились с Валентиной Леонидовной [Дутко] — она бодрая и даровитая и поймет Ваши настроения. Мы ее очень любили, конечно, заочно. Пока не довелось встретиться. В ней столько творческого доброжелательства.

Прекрасно, что укрепилось славянское единение, — всегда от школьных лет меня влекло к славянским собратьям. Наверно или в посольстве, или в библиотеке Вы найдете журнал «Славяне» (декабрь, 1944), там мой лист «Славяне» — прочтите. Нужно крепить братское единение, когда все теперь творится народами, множествами. Ренан сказал: «Люди составляют народ благодаря воспоминанию о великих делах, совершенных вместе, и желанию совершать новые подвиги». Вот и дожили мы до всенародных подвигов, пришел день восхищаться и радоваться и вложить доброхотную лепту в чашу народных преуспеваний. Вперед, вперед и вперед! Учиться, учиться и учиться, как заповедал Ленин.

Мы все трудимся — творим — преодолеваем. Юрий закончил огромный труд «История Буддизма» — 1200 страниц. Издается Королевским Азиатским Обществом в Калькутте. Там же были и другие его филологические труды, а сейчас опубликована его нужнейшая статья «Индология в России». Первый раз сделан такой научный обзор изучения Индии. Пошлю пакетом Вам четыре оттиска — для Вас, для Бенеша, для Яна Масарика, для советского посла. Вам виднее, кому и как. Святослав сильно преуспел в художестве. Он женился на Девике Рани — самой блестящей звезде Индии в фильмовом искусстве. Помимо великой славы в своем искусстве Девика — чудный человек, и мы сердечно полюбили ее. Такой милый, душевный член семьи, с широкими взглядами, любящий новую Русь. Елена Ивановна в восторге от такой дочери. Сама она по-прежнему много пишет — вся в работе. Жаль, что теперь невозможно напечатать по-русски, — все для будущего!

Мои картины множатся. Жаль, когда картины, мысленно предназначенные для Родины, уходят в музеи на чужбине. Впрочем, Индия — не

чужбина, а родная сестра Руси. От Москвы было предложение о покупке целой серии моих картин для советских музеев. Невероятно долго идут письма, а одно очень нужное, видимо, пропало. Коли должно, то и сделается. Помните, Вы мудро прикрыли надпись на картине «Св. Сергий». Не сказать же тогда, что дано спасти от немцев. А до Сергиевой Лавры и не дошли враги, а ведь у порога были. «Св. Сергий» — левое крыло диптиха для цветного стекла. Правое крыло — «Франциск» — в Брюгге.

В Америке работает АРКА (Американо-Русская Культурная Ассоциация), «Академия» и комитет «Знамени Мира». Сейчас опять проснулся интерес к заботе о культурных ценностях. Только что большая Индусская культурная ассоциация присоединилась к Пакту. И так, *Per aspera ad astra* (Через тернии к звездам), как дятлы долбим во благо. Сейчас в Нью-Йорке комитет издает новую брошюру. Неисповедимы пути, но свеча теплится.

Как хорошо, что Вы и сейчас, несмотря на всю работу, пишете книги, — ведь они так нужны там, на Родине. Ваши книги у нас на ближней полке. Думается, когда и где мы, наконец, встретимся? Пусть это будет на Родине, куда принесем весь накопленный опыт. Мне всегда приходилось работать с молодым поколением. Вот и теперь, наверно, по художеству, по культуре доведется на путях молодежи приложиться. А хорошо быть русским, хорошо говорить по-русски, хорошо мыслить по-русски! Сколько народов слилось в этом необъятном понятии, и вышла дружная семья всесоюзная, победоносная во благо человечества.

Каждая Ваша весточка нам большая радость. Чуем мы Ваши сердечные устремления, и близки они нам — а это уже сотрудничество, добротворчество.

От всех нас Вам душевный привет.

Сердечно,

Н. Рерих

12.

Н.К. Рерих — В.Ф. Булгакову

29 ноября 1946

Дорогой друг Валентин Федорович,

Гималайский привет к Вашему шестидесятилетию. Вы что-то упомянули о старости. Ну какая же это старость! Это почтенный, умудренный возраст. Дух, мозг разве старится, если человек не хочет впадать в ста-

рость? Мой дед Федор Иванович жил сто пять лет. Очки не носил, да еще курил беспрестанно так, что его называли «рекламой для табачной фабрики». Да и Бернард Шоу перевалил за девяносто, а голова полна светлой мудрости. Вам еще нужно столько сделать, столько запечатлеть в пользу будущим поколениям. Вы были участником и свидетелем многих мировых дел. Ваш широкий кругозор даст молодежи новые надежды, поможет среди трудовых преуспеваний. Вы полны доброжелательства, дружелюбия, а такие качества особенно нужны при нынешнем Армагеддоне Культуры. Сложное время. Малодушные не видят творческого пути.

Спасибо за добрую весточку — мы все так рады Вашим письмам. Если бы в каждой весте было что-то радостное, тогда поистине можно бы кончать древним приветствием — «Радоваться Вам!»

Радовались Вашим встречам на приеме в советском посольстве. Мы часто слышим имя Горкина в радиопередаче, когда он скрепляет указы правительства. Не была ли Дутко на этом приеме? Бедная, она все не может найти прислугу, а малыша тоже не с кем оставить.

В журнале «Эксцельсиор» была Ваша фотография с Толстым и при ней статья — в советской России спрос на «Войну и мир» все растет, и автор надеется, что многие заветы Толстого будут жить и вести человечество. Помню и я завет Льва Николаевича моему «Гонцу» — «Пусть выше руль держит, тогда доплывет».

8 декабря в Белграде Всеславянский Съезд. Хотел было послать приветствие, но куда? Теперь все адреса растерялись. Иногда прямо «мертвые души».

Вот в Загребе была Югославская Академия науки и искусства, был я там почетным членом, а с 1939 — ни слуху ни духу. Также и во Франции многое замерло. Ни мне, ни нашим друзьям в Америке не нащупать, кто жив или переменял местожительство. А ведь время-то бежит...

Нашей АРКА тоже несладко. Столько злобных наветов на СССР, что некоторые малодушные забоялись и примолкли.

Пора всем нашим согражданам разобраться и понять, где истинные друзья. Такие друзья, кто приобщились не ради Русской Победы, но по глубокому осознанию великого переустройства, ради светлого всенародного будущего. Пусть всем неподдельным друзьям будет хорошо. Пусть звучит Ваше доброе слово во славу Руси, во славу Народа-Труженика, Строителя.

Радоваться Вам,

Н. Рерих

13.

Н.К. Рерих — В.Ф. Булгакову

10 октября 1947

Дорогой друг Валентин Федорович,

Наверное, Вы удивляетесь долгому перерыву в моих вестях после Вашего доброго июньского письма. Причин много, и все неприятные. С начала июля я серьезно и внезапно заболел. В постели — около трех месяцев, боли, операции, и все это в наших горных, уединенных условиях. Говорят, через несколько недель все наладится, но все еще — на больном положении. Никогда я так долго не болел, и все сие тягостно. Вторая причина: с начала августа, вследствие беспорядков, почта и телеграф лопнули. Мы отрезаны. Конечно, масса почты пропала, а остальное где-то валяется. Будто бы только теперь обещают сношения, и я спешу послать Вам весточку — авось дойдет. Добрую весть Вы сообщаете о намерении Академии наук издать Ваши воспоминания. Перед Вами прошло столько великого, что именно Вы — внимательный, чуткий, доброжелательный, можете отобразить волны бурь и достижений. Сердечные мысли наши с Вами в трудах Ваших. Грабарь пишет о благоустройстве жизни художества. Между прочим, он сообщает, что моя серия «Красный всадник» (привезенная нами в Москву в 1926 году) находится в музее Горького в Горках, где он жил и скончался. Вдвойне я этому порадовался. Во-первых, Алексей Максимович выказывал мне много дружества и называл великим интуитивистом. Во-вторых, семь картин «Красного всадника» — гималайские, и я почувал, что в них А.М. тянулся к Востоку. Не забуду его рассказ о встрече с факиром на Кавказе.

В своем последнем письме Грабарь описывает строящийся академический поселок в Абрамцево (недалеко от Троице-Сергиевой Лавры). Грабарь приводит замечательные слова Сталина — пусть академики живут не хуже маршалов. Историческое речение! «Москва — центр науки» — Сталин заповедал на московском торжестве. Радостно, что из Руси звучит великий завет. Наша любимая Родина да будет оплотом высокой Культуры!

Бывало, немало нам приходилось претерпеть, когда мы заикались о Русской Культуре. Всякие рапсоды Версаля поносили нас и глумились о «наследиях чуди и мери». Злобные глупцы! Прошли года, и жизнь доказала правоту нашу. Русь воспрянула! Народы российские победоносно преуспевают во главе всего мира. Строят и украшают свою великую

Родину. На диво всему миру творят молодые силы исторические достижения. Вы-то понимаете и купно радуетесь.

По слухам, почта скоро наладится, но слухов вообще много. Хорошо еще, что радио действует. А тут еще нахлынули неслыханные ливни и нанесли всюду большой ущерб. Нелегко строить мосты и чинить обвалы в горах. Вообще, лето было необычайно трудное. Какие у Вас были гости? Что доброго? А мы в думах с Вами и шлем Вам всем сердечный привет.

Всегда было радостно слать привет туда, где он будет воспринят, а теперь такая посылка особенно ценна. Мир и радость — два оплота преуспевания. Лишь русское сердце отзвучит на такой зов. Всюду океаны горя, бедствий, неразрешимых задач. Не пишу о бедствиях Индии. Наверное, в Ваших газетах достаточно отмечается горе великой страны. Ганди в день своего 78-летия горестно отметил: мною получено много поздравлений, но более уместны были бы соболезнования. О том же скорбно говорил и наш друг Неру. Скорбит Индия. А там, за горами — за долами идет великая стройка Культуры. Исполать!

Радоваться Вам!

Н. Рерих

14.

В.Ф. Булгаков — Н.К. Рериху

Прага, 1 декабря 1947

С наступающим Новым Годом, дорогой Николай Константинович!

Вы правы, очень я соскучился без вестей от Вас. И как же был удивлен, получив Ваше письмо из Бомбея и потом прочитав, что почта перестала Вам служить. О событиях в Индии, слухи, конечно, доходят до нас, но, по-видимому, в недостаточном количестве, так что едва ли мы представляем себе все происходящее в Индии так, как оно в действительности происходит. Европа занята самой собой и, кажется, неспособна и со своими-то делами управиться, так что внимания для жизни отдаленного великого народа не хватает. Барометром общего положения в Индии служат для меня и слова любимого мною Ганди о том, что ему ко дню рождения более приличествовали бы выражения соболезнования, чем поздравления. Даже и ему не удалось внушить своему народу великих принципов подлинной, внутренней свободы и освобождения! — и в результате опять — кровь, кровь и кровь... Это очень тяжело. «Пакс пер Культура» — видно, предпосылка культурная для подлинно человеческой жизни на земле все

еще не созрела, все еще недостаточно подготовлена. Но это должно быть и будет. «Буди, буди!» — как взывают герои Достоевского в «Братьях Карамазовых».

Что касается Чехословакии, то здесь, должно быть, благополучнее, здоровее, чем во многих-многих странах Европы, не только в поверженной и разоренной Германии, но и в несчастной Франции, где, судя по последним сообщениям, опять все замутилось и где подымается тень нового фюрера — генерала де Голля. Самая сильная и подлинно народная партия, под влиянием из-за границы, оттеснена от власти, и из-за этого все угрожающе шатается и разваливается. У нас — национальный фронт четырех партий, от коммунистической до католической, и без особых потрясений совершается переход республики с буржуазно-демократических на подлинно народные рельсы. Люди и классы ссорятся, но до конца поссориться не могут, — верность родине и народу побеждает, и так вырабатывается политическая и социальная равнодействующая, которая все же оставляет всему народу возможность жить и творить, чему и нельзя не радоваться даже нам, иностранцам.

От всей души благодарю Вас, дорогой Николай Константинович, за всё — Ваше дружеское письмо, за память и за присылку надписи к портрету: он висит, украшенный этой надписью, над моим столом, и мне отрадно обращать к нему взор.

За время от написания моего последнего письма много пронеслось в моей жизни всяких событий. И прежде всего хочу сказать Вам, что мною и женою с младшей дочерью уже отосланы в Советский Союз прошения о возвращении, и если они будут удовлетворены (а как будто за это много данных), то по весне мы отправимся на родину. Просимся либо в Москву, с которой и у меня, и у жены все связано, или же, если это невозможно (кстати, Москва совершенно исключительно перенаселена), то в Ясную Поляну: для работы в доме-музее Л.Н. Толстого и в построенной в деревне при Советской власти средней школе. От старшей своей дочери из Украины мы все время получаем хорошие, счастливые письма. Было одно с описанием того, как она по-украински украсила свою квартиру, — чрезвычайно занятное и милое: повсюду — вышитые полотенца и букеты цветов... Дочь побывала в прекрасной Одессе и записалась в Институт иностранных языков (высшее учебное заведение), по-немецкому факультету, выдержав на «отлично» приемные экзамены. Учиться же будет дома. Это самая обычная картина в Союзе: все учатся, и если не непосредственно в школе, то дома. Мой 11-месячный внук Валентин тоже счастливо растет и развивается...

Летом снова посетил нас Виктор Александрович Веснин, с которым мы с Вами могли бы составить отличный триумvirат дружбы и взаимопонимания, — человек, к которому я не могу иначе относиться, как только с величайшей любовью и уважением. И талант, и высшая человечность, и поразительная воспитанность и деликатность. Он приезжал с супругой, лечился в Карловых Варах (Карлсбаде), куда я тоже ездил, нарочно, чтобы провести с ними еще денек, и где В.А. сделал очень хороший, изящный рисунок-портрет с моей дочкой Оли. Он, вообще, много рисовал в Карлсбаде — портретировал советских деятелей, в том числе легендарного героя гражданской войны усатого маршала Буденного и др., живших там с ним одновременно. Плохо только, что не очень поправил здоровье. В Москве, если Бог сподобит ее увидеть, я счастлив буду снова с этим прекрасным художником, зодчим и человеком встретиться и пожать ему руку.

Под осень приезжал в Прагу выдающийся советский государственный деятель, министр просвещения Алексей Георгиевич Калашников, тоже с женой — милейшим, глубоким и сердечным человеком. Я им подробно, в течение трех дней, показывал Прагу и ее окрестности. А.Г.К. прочел два публичных доклада в Праге и на всех произвел сильнейшее впечатление — исключительной, глубокой культурностью, образованностью, умом и компетентностью в области вопросов педагогики и образования. Судя по нему, по здешнему послу В.А. Зорину, который только что назначен заместителем министра иностранных дел, и по другим представителям Советского Союза, я вижу, что им правят сегодня, действительно, исключительно выдающиеся и притом на редкость привлекательные лично и симпатичные люди. Страна имеет тех вождей, которых она заслуживает.

Между прочим, А.Г. Калашников видел и наш Русский музей, но, к сожалению, в стадии переустройства. Да, я опять заново переустроил музей, перенес его из шестого этажа Советской средней школы в Праге в пятый. Шестой этаж понадобился школе, а в пятом для него освободили прекрасную, светлую, длинную галерею, которая раньше была занята ученической столовой. Кроме того, картины расположились еще в соседнем большом рисовальном зале и на широкой площадке лестницы, так что весь этот этаж мы теперь в шутку зовем Академией художеств. По желанию советских кругов я не выставил крайних модернистов, сложил в склад все слабое, и наша Картинная галерея, как она теперь называется, вдруг расцвела и по-новому похорошела, что признают все в один голос. Ваши работы занимают в ней, разумеется, самое почетное место. Очень удачно, в смысле освещения, повешен Ваш портрет работы Святослава Николаевича, который постоянно, как и Ваши картины, вызывает всеобщее восхищение.

Здесь русское издание «Пражские Новости», выпускающееся для информации о Чехословакии советских кругов здешним Министерством информации, собирается поместить статью о Русской картинной галерее в Праге, которую (т.е. статью) я Вам пришлю тотчас по ее появлении.

Да, пока я в Праге, галерея не пропадет и всем сокровищам ее обеспечен правильный и систематический уход. А сейчас я устроил и галерею, и архив при ней так, чтобы и после моего возможного отъезда дирекция Школы могла, поручив это дело преподавателям рисования и истории, легко и по проторенной дорожке продолжать заботиться об охране галереи.

Здесь торжественно праздновались 800-летие Москвы и 30-летие Советского Союза. В Посольстве в начале октября был раут человек на пятьсот. Школа наша тоже откликается на все празднества такого рода устройством особых вечеров, причем тогда торжественно освещается и открывается и наша галерея, которую просматривают и учащиеся, и гости. В августе в Праге состоялся Всемирный Фестиваль демократической молодежи, внесший много шума и разнообразия в жизнь города. Между прочим, почти все призы на фестивале, в состязаниях и по искусству, и по спорту, завоевали русские. Особенный успех имел балетный ансамбль народных танцев СССР под руководством Моисеева: это народное творчество, украшенное и развитое культурным искусством. Нечто крайне очаровательное. Иностранная публика просто неистовствовала от восторга на вечерах ансамбля Моисеева. Но и солисты из Советского Союза — пианисты, скрипачи, певцы и певицы — были великолепные. Вот Вам, дорогой Николай Константинович, и «наследие чуди и мери» перед очами с испокон веков просвещенной Европы! Догоните-ка русскую тройку, которой восхищался Н.В. Гоголь!

Очень мне грустно, дорогой Н.К., что Вы серьезно прихворнули. Что это такое с Вами было? Пожалуйста, берегите себя. Не сдавайтесь. Вы так молоды духом, что и болезни тела кажутся по отношению к Вам чем-то ненормальным.

У нас в семье пока все благополучно. Я жалею только о своих утрах, которые уходят на обязательную работу в Министерстве, а не на более углубленную работу литературную. Надеюсь, что Вы теперь совсем здоровы и что супруга Ваша и весь Ваш чудный круг тоже живут и действуют интенсивно и бесперебойно. Это всем, всем нужно.

Радоваться Вам!

Всегда Ваш

Валентин Булгаков